

УДК 327.7/.8(470)

**ИНИЦИАТИВА «БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ»
КАК ПОПЫТКА ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ РОССИИ В XXI ВЕКЕ**

А.М. Акматалиева

В рамках данной статьи речь пойдет о сущности, драйверах и брейкерах российской инициативы Большой Евразии (БЕ). В дискурсивной практике российских политиков и экспертов инициатива БЕ используется наряду с такими концептами, как «большое евразийское партнерство» и «общее евразийское экономическое сообщество». Концепция БЕ, предлагаемая представителями российского политического истеблишмента и экспертного сообщества, является геополитической инициативой создания евразийской общности, где сотрудничество Китая и России рассматривается как ключевое измерение эффективности нового геополитического пространства общих интересов. БЕ имеет как перспективы, так и ограничения для успешной трансформации из геополитического проекта в оформленную концепцию для стратегического позиционирования России в XXI веке.

Ключевые слова: Большая Евразия; ЕАЭС; «Один пояс – один путь»; КНР; геостратегическое позиционирование; поворот на Восток.

**«УЛУУ ЕВРАЗИЯ» ДЕМИЛГЕСИ XXI КЫЛЫМДА
РОССИЯНЫН ГЕОСТРАТЕГИЯЛЫК ПОЗИЦИЯНЫ ЭЭЛӨӨГӨ БОЛГОН АРАКЕТИ КАТАРЫ**

А.М. Акматалиева

Бул макалада Россиянын Улуу Евразия демилгесинин маңызы, анын мүмкүнчүлүктөрү жана тоскоолдуктары жөнүндө сөз болот. Россиялык саясатчылардын жана эксперттердин дискурсивдик практикасында Улуу Евразия демилгеси «чон евразиялык өнөктөштүк» жана «жалпы евразиялык экономикалык коом» деген сөздөр менен бирге колдонулат. Россиянын саясий жана эксперттик коомунун өкүлдөрү тарабынан сунушталган Улуу Евразия концепциясы евразиялык коомду түзүүнүн геосаясий демилгеси болуп эсептелет, мында Кытай менен Россиянын кызматташтыгы жалпы кызыкчылыктардын жаңы геосаясий мейкиндигинин натыйжалуулугунун негизги көрсөткүчү болуп эсептелет. Улуу Евразия демилгесин геосаясий долбоордон XXI кылымда Россиянын стратегиялык позициясы үчүн таризделген концепцияга ийгиликтүү трансформациялоо үчүн перспективалар менен бирге эле чектөөлөргө ээ.

Түйүндүү сөздөр: Улуу Евразия; ЕАЭБ; «Бир алкак – бир жол»; КЭР; геостратегиялык позицияны ээлөө; Чыгышка карай бурулуу.

**GREATER EURASIA AS AN ATTEMPT FOR RUSSIA'S GEOSTRATEGIC POSITIONING
IN THE 21-ST CENTURY**

A.M. Akmatalieva

In this article author will discuss the essence, driving forces and shortages of the Russian Greater Eurasia initiative. In discursive practice of the Russian politicians and experts the Initiative is used interchangeably with such concepts as 'greater Eurasian partnership' and 'common Eurasian economic unity'. The Greater Eurasia by Russian political establishment and experts is a geopolitical initiative for creating Eurasian identity, where Russian and Chinese cooperation is considered to be the key dimension for effective geopolitical domain of common interests. There are some perspectives and constrains for the Greater Eurasia to become not just geopolitical project, but truly be transformed into broader conceptualized geostrategic positioning of Russia in the 21st century.

Keywords: Greater Eurasia; EEU; «One Belt One Road»; China; geostrategic positioning; turn to the East.

Согласно классикам геополитики, таким как Х. Маккиндер (в контексте концепции «Хартленда») и Н. Спайкмен (концепции «Римленда»), значимость Евразии как «географической оси истории» для мировой политики, а также для формирующегося нового мирового порядка остается актуальной и детерминирующей попыткой глобальных держав форматировать различные пространства с помощью инициирования новых интеграционных структур и переформатирования существующих. В этом контексте новый мировой порядок скорее будет опираться не на соотношение мощи держав, он будет обуславливаться взаимоотношениями между разными интеграционными моделями и объединениями, ключевой среди которых может стать российская инициатива Большой Евразии.

Глобальные державы стали одна за другой констатировать перемещение акцента в своих внешнеполитических ориентирах в XXI веке в сторону Востока: США – «тихоокеанская американская эра в XXI веке», или политика «уравновешивания» в АТР; Россия – «поворот на Восток», инициатива Большой Евразии (БЕ); КНР – «Один пояс – один путь» (ОПОП) [1]. Этот тренд глобального поворота на Восток не только характеризуется активизацией интеграционных инициатив, но и стал вызовом для уже существующих объединений. Так, политика «уравновешивания» США привела к наращиванию военно-морского присутствия в АТР, углублению союзнических отношений с Австралией, Японией, Сингапуром, Южной Кореей, Бирмой, Индией и Филиппинами; а участие в многосторонних организациях, таких как Транстихоокеанское партнерство, стало восприниматься в качестве политики «сдерживания» КНР [2]. Инициатива России БЕ стала искать «сопряжение» с китайским ОПОП, что в совокупности будет определять будущее Евразии как возможности выработки общеевразийской идентичности и субъектности в мировой политике.

В рамках данной статьи речь пойдет о сущности, драйверах и брейкерах российской инициативы Большой Евразии. В дискурсивной практике российских политиков и экспертов инициатива БЕ широко используется наряду с такими концептами, как «большое евразийское партнерство» и «общее евразийское экономическое сообщество». Концепция БЭ, предлагаемая представителями российского политического истеблишмента и экспертного сообщества, является геополитической инициативой создания евразийской общности, где сотрудничество Китая и России рассматривается как ключевое измерение эффективности нового геополитического пространства общих интересов. Если в 2016 г., говоря о гибких и открытых структурах,

таких как ЕАЭС, В. Путин затронул необходимость создания Большой Евразии, то уже в 2019 г. в КНР российский лидер говорил о необходимости «Великой Евразии». При этом российский лидер пытается деполитизировать пространство БЭ, подчеркивая, что это не «шахматная доска» и не «геополитическое поле», а «дом», где должен царить «покой и спокойствие». В перспективе из геостратегического проекта БЕ может стать не только «цивилизационным проектом», но и «матрицей» для стратегического позиционирования России в XXI веке.

Контекст конструирования Большой Евразии обусловлен рядом взаимосвязанных факторов, приведших в совокупности к необходимости выработки российской стратегемы в условиях формирования нового мирового порядка:

- системное внешнее давление на Россию (например, западные политические и экономические санкции) и ухудшение отношений в целом с западными государствами вынудили Москву сделать «поворот на Восток» как необходимый стратегический поиск союзников и партнеров и временно отказаться от идеи создания Большой Европы от Лиссабона до Владивостока;
- нежелание Украины стать членом ЕАЭС и последовавшее за этим присоединение Крыма стало вызовом для интеграционных идей Москвы на постсоветском пространстве: никто из членов ОДКБ и ЕАЭС не признал новый статус Крыма, как и не поддержал антизападные санкции;
- Казахстан и Белоруссия настороженно начали относиться к России после присоединения Крыма и начали политику «обособления» от России, что свидетельствовало о потере партнеров на Западе, а также союзников в ближайшем окружении [3], что вынудило Россию выйти за рамки постсоветского пространства [4];
- изменение роли КНР в мировой политике и провозглашенная инициатива ОПОП, с одной стороны, позволяет России путем «сопряжения» добиваться общих экономических выгод и развивать регионы Дальнего Востока и Сибири, с другой стороны, очерчивает политические и экономические сферы влияния КНР в рамках ЕАЭС и ШОС, что для России создает возможности направления инициатив Пекина в благоприятном для себя направлении;
- активный интерес китайских мигрантов и бизнеса к Дальнему Востоку и Сибири способствовали провозглашению этих регионов в качестве приоритетных для внутреннего

развития России, позволив ей сделать «поворот на свой собственный Восток», что в рамках сопряжения будет способствовать получению выгод от инфраструктурных проектов различным регионам России;

- в контексте активизации идей других акторов для Москвы необходимо предложить свое видение будущего мирового порядка, и концепция БЕ выступает «концептуальной рамкой, матрицей для удобной и выгодной геоэкономической, геостратегической и культурно-исторической самоидентификации как “Северной Евразии”, центра и севера поднимающегося континента» [5].

Географическое пространство Большой Евразии. Само пространство БЕ до сих пор трактуется не однозначно. Так, Большая Евразия, по классификации ООН, включает 50 государств Азии, 48 государств Европы и семь государств Северной Африки. Так или иначе, но существующие геополитические проекты всех глобальных держав не включают все государства в силу геополитической чувствительности к определенным государствам и регионам.

Английский исследователь Майкл Эмерсон, который ввел в широкий политологический оборот категорию «Большая Евразия» в 2013 г., задается вопросом, что существование трансатлантического и транстихоокеанского сообщества предполагает также существование между ними большого евразийского сообщества. По его мнению, идеи России, Казахстана и Турции в отношении евразийской интеграции носят характер включения ограниченного количества участников, формируя Lesser Eurasia, в то время как Большая Евразия может включать все государства Азии и Европы [6].

В рамках российской концепции БЕ чаще всего указывают на различное количество государств: от Лиссабона до Владивостока; от Лиссабона до Джакарты; от Атлантики до Тихого океана; с участием ЕАЭС, ШОС и АСЕАН [7]. В то время как казахстанский и белорусский лидер включают преимущественно членов интеграционных объединений. Так, известно, что казахстанский лидер Н. Назарбаев активно поддерживает данную инициативу, но подразумевает под БЕ преимущественно интеграцию в рамках ЕАЭС, ЭПШП и ЕС. Этот подход отличается от российского видения, где вместо ЕС активно подчеркивается значение стран АСЕАН. А. Лукашенко не раз предлагал идею «интеграции интеграции», т.е. интеграцию уже существующих интеграционных объединений, как сближение ЕС и ЕАЭС с целью создания «Большой Европы» от Атлантики до Тихого океана. Изначальная российская идея о «Большой Европе» в силу отсутствия

практического воплощения нашла отражение в идее БЕ. Таким образом, масштабы и пространство Большой Евразии остаются зависимыми от геополитического форматирования государств, руководствующихся соображениями «друг – враг» и политикой сдерживания других акторов в широком евразийском пространстве.

Сущность инициативы. Инициатива БЕ на сегодняшний день не имеет формального оформления в виде официальной стратегии или документа по внешней политике. При этом на дискурсивном уровне и на уровне практических мероприятий идея евразийства в целом и БЕ в частности активно и широко обсуждается, пропагандируется на самых разных площадках – от экспертных дискуссий, молодежных форумов, обсуждений на встречах Валдайского клуба до телевизионных дебатов и т.д. При этом сложно выделить единство в понимании сущности БЕ у различных акторов, наблюдается на данном этапе стремление активизировать данную идею, но концептуальное содержание остается пока дискуссионным и мало разработанным. Выделяются средства с целью актуализации БЕ на разных площадках, для этого используются инструменты как ЕАЭС, так и российских фондов. Эффективность такой пропаганды пока остается открытым вопросом, но потенциальная выработка общего видения в ходе дискуссий может стать перспективным направлением.

На уровне политической элиты и экспертных кругов, активно влияющих на процесс принятия внешнеполитических решений, наблюдается обсуждение БЕ как части политики «поворота на Восток» и необходимого инструмента для удерживания статуса мировой державы. С геополитической точки зрения инициатива БЕ направлена на сопряжение с китайской инициативой ОПОП, что в целом позволяет подкреплять «союзнические отношения» конкретными проектами, а также позволяет России иметь возможность «контролировать» рост влияния КНР, а Поднебесной достигать свои «евразийские мечты» беспрепятственно. Так, три из четырех экономических коридора проходят через ЕАЭС: Новый евразийский надземный мост через Казахстан и Россию; КНР – Монголия – Россия; КНР – ЦА – Западный коридор. Кроме того, экспорт российского газа в КНР является важным как для России, так и для Китая. В этом контексте насколько Россия нуждается в сопряжении проектов с ОПОП, настолько же Китай заинтересован в получении беспрепятственного доступа к транспортно-территориальным возможностям России, что очень часто недооценивается.

В то же время БЕ предполагает широкое сотрудничество с Ираном, Индией и государствами

Юго-Восточной Азии, что повышает статус России в АТР. Успешным примером является создание между ЕАЭС и Вьетнамом зоны свободной торговли в 2015 г. В мае 2018 г. было заключено соглашение с Ираном о преференциальной торговле; также был заключен меморандум об установлении диалога между ЕАЭС и АСЕАН. Все это также свидетельствует о желании России быть активным игроком в АТР.

На дискурсивном уровне можно выделить несколько направлений контекстуального обсуждения данной инициативы в академической среде и в сфере публичной политики в самой России.

Спор славянофилов и западников. Концепция БЕ некоторыми экспертами и публичными политиками воспринимается как исторический ответ на геостратегическую идентичность России: чем оставаться «восточной окраиной Европы» или «европейской кладовой», где, не став частью европейского сообщества, придется «возвращаться домой», т.е. на восток, некоторые расценивают это как «поворот к себе самой» [8]. Россия, длительное время позиционировавшая себя в качестве европейского государства, но 2/3 территории которой находятся в Азии, в конечном счете делает «поворот на Восток». С момента, когда Петр Великий «прорубил окно в Европу» и когда Европа была «ментором, моделью и единственным источником модернизации» [9] для России, ценностные расхождения между Европой и Россией стали очевидными и даже неизбежными вопреки общехристианской идентичности. Как следствие, «поворот на Восток» является результатом «длительного болезненного процесса, реакцией на развитие международной ситуации» [10]. В связи с этим сторонники данного подхода считают, что «поворот на Восток» является «возвращением к себе самому», «возвращением домой» [3], а также «цивилизационным выбором» для России в сторону евразийства как особой цивилизации, соединяющей Восток и Запад. «Поворот на Восток» скорее обусловлен растущим влиянием и масштабными достижениями азиатских государств, которые становятся привлекательными моделями для остальных, где Россия не является исключением, как и стремлением Москвы найти союзников за пределами постсоветского пространства и европейского направления.

Большая Евразия как внешнеполитическая стратегия России в XXI веке. Авторы инициативы, в частности С. Караганов, предлагают концепцию формирования континентальной евразийской геостратегической общности, которая позволила бы России выстроить свою геостратегию. По словам В. Путина, БЭ – это «цивилизационный проект, устремленный в будущее», который должен

изменить «политический и экономический ландшафт континента» [9]. Инициатива должна отчасти укрепить позиции России в качестве «великой державы и усилить позиции Кремля в Европе путем углубления связей с динамичными азиатскими рынками». На данном этапе идея БЕ, вопреки широкому обсуждению, так и не получила концептуального осмысления в качестве стратегического ресурса для внешней политики России в XXI веке.

При этом важно отметить, что БЕ имеет стратегических как ряд преимуществ, так и недостатков. Во-первых, БЕ не должна ставить себе цель формирования общеевразийской идентичности или общности, поскольку государства континента исторически принадлежали различным цивилизациям от христианской Европы, мусульманского Ирана и Турции до китайской цивилизации. Скорее речь должна идти о формировании конструктивного диалога между ними и выработке общих правил и процедур совместного сосуществования. Поиск геополитической субъектности БЕ осложняется существующими геополитическими противоречиями между евразийскими государствами.

Во-вторых, «сопряжение» проектов между тремя разными интеграционными объединениями, такими как ЕАЭС, ЭПШП, АСЕАН, и ЕС с целью гармонизации отношений может способствовать, с одной стороны, усилению позиций КНР как сильнейшего актора, с другой – формированию новой платформы для поглощения малоэффективных организаций, что в итоге тоже будет способствовать расширению влияния КНР не только в АТР, но и на евразийском континенте.

В-третьих, успешность БЭ основана преимущественно хорошими отношениями между РФ и КНР, что может в перспективе изменить крен. Отношения КНР и РФ некоторые авторы, в частности Д. Тренин, считают «антантой» [3], но в случаях усугубления отношений инициатива БЭ может стать «нежелательной» идеей для государств в орбите влияния КНР. Важно, чтобы Россия не стала «западной окраиной Азии», как она стала «восточной окраиной Европы». Для России важно позиционировать себя в качестве самостоятельного, самодостаточного и конструктивного актора со своим самостоятельным видением вопросов мировой политики и международных отношений. В этом контексте инициатива БЕ, защищая интересы полицентричного мира, должна укрепить позиции России в качестве гаранта этого полицентричного мира.

Таким образом, на данном этапе инициатива БЕ, вопреки широкому использованию в публичном пространстве политиками и экспертами по внешней политике и пропагандированию через

разные евразийские движения, не имеет концептуального осмысления и оформления в качестве стратегического документа. Скорее мы являемся свидетелями формирования этого видения о Большой Евразии в самой России и за ее пределами, на различных площадках обсуждения – от первых лиц до молодежных форумов.

Литература

1. Акматалиева А.М. Перспективы реализации Экономического пояса Шелкового пути КНР в Центральной Азии / А.М. Акматалиева // Вестник КРСУ. 2018. Т. 18. № 7. С. 111–114.
2. Вишник Э. Китай и два поворота / Э. Вишник // ПОНАРС Евразия. Аналитическая записка № 365. 2015. Июнь.
3. Тренин Д. Контурная карта российской геополитики: возможная стратегия Москвы в Большой Евразии: научный доклад от 11 февраля 2019 г. / Д. Тренин; Московский центр Карнеги. М., 2019.
4. Пайкин З. Новая парадигма для Большой Евразии / З. Пайкин // Аналитические статьи РСМД. 2019. 15 мая.
5. Караганов С.А. Россия – возвращение домой / С.А. Караганов // Вопр. географии. 2019. № 48. С. 9–15.
6. Emerson M. Towards a Greater Eurasia: Who, Why, What, and How? / М. Emerson // Global Journal of Emerging Market Economies. 2014. January (6/1). URL: <https://www.ceps.eu/wp-content/uploads/2014/02/Towards%20a%20greater%20Eurasia.pdf> (дата обращения: 10.09.2019).
7. Лавров С. Мир на перепутье и система международных отношений будущего / С. Лавров // Россия в глобальной политике. 2019. 20 сентября.
8. Лукин А.В. Замысел о Большой Евразии: сможет ли Россия стать новым центром силы / А.В. Лукин // Независимая газета. 2019. 4 марта.
9. Путин В. Выступление на Форуме ОПОП. Пекин 2017 г. / В. Путин. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения: 10.10.2019).